

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ЗЛАЯ РУСЬ

ЗИМА 1237

ДАНИИЛ КАЛИНИН

Даниил Сергеевич Калинин Злая Русь. Зима 1237

Серия «Военная боевая фантастика»
Серия «Злая Русь», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68064242

*Даниил Калинин. Злая Русь. Зима 1237: Издательство АСТ;
Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-151427-3*

Аннотация

Осень 1237 года. Русская земля замерла в тревоге: в степи у верховьев реки Воронеж собирается огромная орда Батые. Князь Рязани Юрий Ингваревич копит силы на границе и шлет гонцов с просьбами о помощи во Владимир и Чернигов. Ведь если помощь соседей не подоспеет вовремя, княжества Древней Руси будут одно за другим сметены с лица земли: воины погибнут в кровавой сечи, женщины и дети будут взяты в полон, а города и веси обратятся в пепел.

Но однажды утром в теле молодого воина Егора из порубежного Ельца проснется наш современник – студент-историк, реконструктор-любитель. Сможет ли он, обладая знанием о будущем, за оставшиеся несколько недель до вторжения изменить ход истории и предотвратить трагедию? Или

и сам станет одной из песчинок, которые сметет на своем пути монгольская орда?

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	53
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Даниил Калинин

Злая Русь. Зима 1237

© Даниил Калинин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Серия «Военная боевая фантастика» *Выпуск 25*

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Пролог

Огонь... Огонь полыхал за спиной Егора, огромный, всепоглощающий, испепеляющий. Егор чувствовал спиной невыносимый жар разбушевавшейся стихии, поглотившей целые кварталы деревянных домов, деревянные же церквушки, княжеский терем и истребившей все живое, попавшее в гигантскую пламенную ловушку... Ему стало трудно дышать от вида столь inferнальной картины, а первобытный ужас перед огнем буквально сковал тело.

Из состояния оцепенения Егора вывел близкий, непонятный шелест от чего-то тяжелого, что пролетело совсем рядом с его головой – волосы на макушке обдало сжатым воздухом! Невольно проводив взглядом округлый снаряд, от которого явственно пахло чем-то смутно знакомым, он увидел, как тот врезался в землю за стеной и растекся густой пламенной лужей.

«Нефть», – как-то отстраненно подумалось Егору...

Он с удивлением и потаенным страхом рассматривал широкую обуглившуюся брешь над своей головой, зияющую в двускатной кровле. А мгновение спустя во вторую, еще большую дыру в стене, всего в метре от парня, влетела стрела, свистнувшая совсем рядом и заставившая Егора испуганно отпрыгнуть в сторону. Однако еще больший ужас он испытал, увидев несколько мертвецов, побитых стрелами, у своих

ног...

После молодой человек вдруг услышал чей-то протяжный, полный звериной ярости и одновременно безнадежного отчаяния крик:

– Бей!!!

И в душе его какие-то потаенные струны отозвались на клич, Егор почувствовал вдруг внезапное смятение, буквально на пару секунд... А потом внутри его будто прорвало плотину! Сознание в одно мгновение заполонил целый вихрь эмоций и чувств, от отчаяния при виде погибающего в пламени города, беспомощного сострадания к несчастным, которые никак не могли остановить бушующую стихию, чьи собственные дома стали огненными ловушками и, наконец, могилами... До бессильной ненависти к набранным из китайцев расчетам катапульт, приблизившихся к крепостной стене на двести метров и с этого расстояния безнаказанно расстреливающих город...

А главное, с древним боевым кличем Егору переданся тот заряд ярости безымянного воина, что разгорелся в душе его с чудовищной силой пламени, которое в настоящий миг уничтожало Пронск. Собственное бессилие и отчаяние было ему топливом. Быть может, пожар в сердце молодого человека был бы и не столь долог, но тут в поле зрения Егора попал человек... Да нет, враг, чья голова показалась в проломе заборола крепостной стены.

Лестница с прибитыми к верхним ее перекладинам сталь-

ными крючьями была приставлена как раз к бреши, просто до этого Егор ее не замечал, а сейчас он целую секунду смотрел в лицо светловолосого с рыжиной, вполне европейской внешности молодого голубоглазого мужчины, очевидно, ровесника, в чьем взгляде читался откровенный страх.

«Половец», – вновь всплыло в сознании парня.

Воин из вражеского рязанцам племени, едва ли не две сотни лет разорвавшего южные рубежи княжества. Впрочем, в последние годы враг этот поумерил пыл, так как часть ханов приняла христианство и заключила союзы с князьями Руси, поэтому они стали реже ходить в набеги... А еще степняки никогда не прорывались так глубоко внутрь княжества, никогда не брали штурмом сильные крепости!

Все изменилось с приходом с востока в степь неизвестных ранее монголов. Монголов, спаявших жесткой дисциплиной не только половцев, но и китайцев, хорезмийцев, мокшан, буртасов... Монголов, чья злая воля гнала все поработанные, побежденные ими племена вперед, напролом, под мечи, топоры и сабли своих новых врагов! И, подчинившиеся Ясе Чингисхана, они не могли бежать с поля боя, каким бы яростным ни было сопротивление противника... Ведь если побежит один – казнят десяток, если побежит десяток – казнят сотню. Монголы не боятся лить кровь покоренных! Потому у поднявшегося по лестнице половца, каким бы сильным ни был его страх, какой бы сильной ни была в душе его ненависть к новым хозяевам, не было выбора... Точнее, был,

и очень простой выбор: убей или умри!

Все это за секунду промелькнуло в сознании Егора, словно неяркая и тут же погасшая вспышка. Промелькнуло в тот миг, когда он шагнул вперед с перехваченным от душащей ярости горлом, наконец-то получив возможность выплеснуть ненависть на пришедшего к Пронску врага! Вскинув правой рукой легкую, верткую саблю, описавшую короткий полукруг над головой, он обрушил ее тяжелейший удар на непокрытое чело половца! Впрочем, тот успел закрыться легким круглым щитом, остановившим рухнувшую сверху сталь. А в следующий миг уже сам с силой рубанул по ней собственным кривым клинком, сбив в сторону оружие противника! И одним рывком преодолел последние перекладки лестницы, нырнув в пролом в стене.

Егор отступил на шаг под напором половца, только сейчас осознав, что без собственного щита чувствует себя голым. На мгновение он поймал глазами взгляд степняка – и содрогнулся от животной ненависти и жажды убийства, что прочел в них! Где был страх, который он видел до того? И были ли там вообще страх? Может, ему просто почудилось?!

Но миг смущения был краток, а ненависть к убийце и разорителю родной земли оказалась гораздо сильнее малодушия. Отступив еще на шаг, при этом внимательно следя за степняком, он поймал миг, когда последний сам вскинул саблю для удара сверху, и тут же рубанул навстречу, шагнув вперед и одновременно присев. Лезвие его клинка распорол

незащищенный живот половца ниже пупка, а удар вражеской сабли пришелся на спину, закрытую кольчугой... Не сдержавшись, Егор вскрикнул от боли, однако крик смертельно раненного врага был гораздо громче!

Увы, куда единственный защитник пролома разбирался с первым своим противником, по лестнице уже поднялся второй, причем вооруженный копьем! На мгновение молодой воин – после убийства врага пришло четкое осознание, что он именно воин! – заглодел от страха: в руках опытного бойца копье является смертельно опасным оружием. За счет своей длины гораздо более опасным, чем сабля, меч или топор! Впрочем, внутри верхнего яруса крепостной гродни места не так много, но все же новый половец мог сделать один точный укол прежде, чем Егор сумел бы с ним сблизиться...

И враг ударил, стремительно и мощно, укол в длинном выпаде! Но близость смерти подстегнула Егора: со всей возможной силой и скоростью он рубанул по древку нацеленного в его живот копья, отведя острие в сторону и одновременно скрутившись к степняку боком! Наточенная грань широкого листовидного наконечника лишь вскользь задела кольчужные кольца, в то время как молодой воин уже ударил от себя навстречу, на обратном движении руки! И самым острием сабли вспорол горло половца...

Когда в брещи еще только показалось самое навершие остроконечного степного шлема – едва ли не один в один близнец русского шелома! – Егор уже не думал о том, что

нужно делать. Ни мгновения он не рефлексировал о двойном убийстве, совершенном перед этим, ведь он истреблял врага, пришедшего на родную землю, и делал это с абсолютной убежденностью в своей правоте и в своем праве! Вот и сейчас, подскочив к очередному врагу, он лихо рубанул того прямо по шлему, только и успев увидеть, как закатываются глаза пришедшего на Русь с монголами незваного чужака, татарина, да как срывается он с лестницы и летит вниз...

А потом что-то болезненно обожгло грудь Егора, и парень вдруг ощутил, как слабеют ноги, а тело становится невесомо легким. Скосив глаза на источник необычного жжения, он с ужасом разглядел торчащее из-под ключицы древко стрелы, а потом понял, что почему-то находится в воздухе... Последним, что увидел Егор, была стремительно приближающаяся земля у подошвы стены, усеянная телами убитых степняков...

Георгий проснулся с бешено колотящимся сердцем, весь в поту, лихорадочно дыша, будто только-только вынырнул из толщи воды, где уже начал задыхаться! Сон – хотя какой это сон, настоящая явь! – был столь подробен и красочен, что в первые мгновения выпускник пятого курса исторического факультета не мог прийти в себя и понять, где он находится и что с ним вообще происходит... Подобные сны, точнее отдельные фрагменты увиденного этой ночью, являлись ему и ранее. Но чтобы так полно, подробно и красочно, да что-

бы передавались физические ощущения?! Нет, такое точно случилось впервые!

Вставать при всем при этом не хотелось от слова совсем – в теплой мягкой постели после привидевшегося кошмара казалось очень спокойно, защищенно и уютно... И потом, тело ощущалось разбитым, будто после тяжелой физической работы, а не хорошего крепкого сна! Впрочем, какого хорошего? До трех часов ведь готовился к защите диплома! Как тут выспишься-то?! Хорошо хоть не проспал...

– Твою ж дивизию!

Георгий рефлексивно скосил глаза на часы и, не сдержавшись, выругался: восемь сорок! Проспал он, не услышал будильника! Защита начнется через двадцать минут, а он еще в кровати нежится! Блин!

Глава 1

– Успехи вермахта в Белоруссии в июне сорок первого обусловлены прежде всего отработанной тактикой блицкрига и неспособностью советского командования эффективно ей противодействовать. При этом ключевым условием успеха германцев было наступление по накатанным, шоссейным дорогам.

Накапливая механизированные части на узком участке фронта и создавая подавляющий численный перевес в танках и САУ, они прорывали советскую оборону развернутыми внутрь клиньями по шестьдесят боевых машин на участке шириной в один километр. И это после массивной артподготовки и нескольких налетов бомбардировщиков! Подавив же сопротивление частей РККА, механизированные и моторизованные соединения вермахта уходили в прорыв именно по хорошим дорогам, стремясь зайти в глубокий тыл противника, заняв стратегически важные транспортные узлы. Тем самым они лишали еще сражающиеся подразделения Красной Армии подвоза боеприпасов, продовольствия, топлива, медикаментов, отрезая пути к отступлению и фактически блокируя их в котлах наподобие Белостокского или Минского. При этом впереди танковых дивизий следовали кампфгруппы – тактические внештатные формирования из танков, механизированной пехоты на бронетранспортерах и

бронемашин, артиллерия, саперы, зенитчики. Кампфгруппы играли роль тарана на наименее защищенных участках советской обороны и одновременно вели разведку, имея возможность напрямую запросить поддержку авиации. Кроме того, в интересах наступающих клиньев вермахта осуществляли специальные операции подготовленные диверсанты из «Бранденбург-800», одетые в форму военнослужащих РККА или сотрудников НКВД. В качестве примера можно рассмотреть захват железнодорожных мостов через Березину 25 июня 1941 года.

При этом стоит отметить, что подобная тактика, несмотря на кажущуюся высокую эффективность, была достаточно уязвима. Немецкие механизированные подразделения не могли воевать без регулярных поставок топлива, и атака, к примеру, советского танкового полка по частям снабжения гарантированно тормознула бы продвижение германских ударных клиньев. А ведь возможен был и вариант восстановления линии фронта за спиной прорвавшихся! И нанесение бомбовых ударов по шоссе! Как минимум это повлекло бы возвращение отдельных частей панцерваффе, как максимум – уже их собственное окружение и разгром.

Увы, советские мехкорпуса на территории Белоруссии были укомплектованы в основном морально устаревшими легкими танками Т-26 и БТ. Их с первых часов войны бросали в контратаки, отражаемые многочисленной противотанковой артиллерией вермахта и бронебойными ружьями, состоящи-

ми на вооружении пехотных частей. Огромные потери боевые машины несли от ударов авиации. А случаи встречных танковых боев были относительно редки, равно как и попытки организации танковых засад. Хотя последние также весьма эффективны против наступающих по дорогам механизированных соединений, что и было доказано Катковым под Мценском. Но в июне подобный прием, повторюсь, использовался редко, наиболее известный пример – атака из засады танков двадцать второй дивизии утром двадцать четвертого июня севернее Ружан. Тогда едва не погиб Хайнц Гудериан, следовавший в автоколонне сорок седьмого корпуса, попавшего под удар наших танкистов...

Однако, не имея достаточного количества боевых машин, советские командиры могли если не остановить продвижение противника, то в значительной степени тормознуть его, наращивая оборону именно на шоссе и наиболее пригодных для прохода бронетехники дорогах. По возможности максимально усилив пехотные части противотанковой, полковой и дивизионной артиллерией, также опасной для германской бронетехники, и укрыв в земляных капонирах уцелевшие легкие танки, увеличив таким образом их живучесть. Но если ряд старших командиров так и поступал – пример тому полковник Сандалов, организовавший оборону Сожского рубежа, – то иные старались растянуть подчиненные части в равномерно насыщенную средствами усиления линию, для прорыва обороны которой было достаточно удара тактиче-

ской кампфгруппы. Таким образом...

Что «таким образом» Георгий, репетирующий речь перед защитой диплома, закончить не успел. По городу он старался ездить с не очень большой скоростью, редко повышая ее до пятидесяти километров в час. Недавно отучившись и сдав на права, он более уверенно чувствовал себя на трассе, где было достаточно доехать до поворота на Екатериновку без обгонов, в общем потоке, а уж там по центральной сельской улице и до школы...

В школу он попал на четвертом курсе – отправили на практику. Георгий сумел понравиться и директору, и небольшому коллективу учителей тем, что искренне любил предмет и умел заинтересовать им школьников. Он ведь действительно всегда считал историю крайне важной наукой для формирования личности молодого человека, воспитания в нем чувства патриотизма и прививания любви к Родине. А потому и готовился к занятиям на совесть, и провести умел, что называется, с огоньком! Так вот, предложили студенту с неоконченным высшим остаться в штате на постоянной основе. И Георгий, недолго подумав, согласился! Доплата за сельскую местность с лихвой окупала бензин, да и сама учительская зарплата была не столь и малой для их небольшого городка, где с работой было действительно туговато...

Заодно удалось уговорить родителей купить недорогую, но в относительно хорошем состоянии б/у «ладу-гранту» (битую, правда, но восстановленную местными умель-

цами). Исключительно в качестве средства передвижения... Так вот, на работу он на ней и ездил, а на учебу все больше пешком или на автобусе: более или менее выучившись водить, в настоящий момент он все еще чувствовал определенное напряжение при езде по городу.

Однако сегодня утром он крепко опаздывал, а свободных такси, готовых принять срочный заказ, как назло, не оказалось. Потому, недолго думая, Георгий прыгнул за руль «лады» и бодро помчал в универ, надеясь не опоздать и буквально на ходу повторяя речь защиты.

Он разогнался до рекордных семидесяти километров в час! Шестьдесят допускается, еще двадцать не наказываются, и все вроде бы было в норме... Но сейчас, отвлекшись от дороги лишь на пару секунд, чтобы посмотреть на часы, Георгий вдруг увидел, как всего в пятнадцати метрах впереди на проезжую часть из-за белого микроавтобуса, припаркованного у самой обочины, выскочили сразу две школьницы класса на вид четвертого или пятого, в униформе, с вместительными рюкзаками! А может, и того младше...

Они совсем не смотрели по сторонам, когда резко побежали. Может, по глупости, может, обработанные выродками из «групп смерти», подталкивающими детей к самоубийству (живьем бы сжигать этих нелюдей!)... Лишь на проезжей части одна из них повернула голову и посмотрела, как показалось, прямо в глаза Георгию. При этом в ее зеленых глазах совсем не было страха – лишь бесконечно много удив-

ления... Будто школьница и не ожидала увидеть на дороге летящую на нее со скоростью семьдесят километров в час машину!

Студент же на бесконечно долгое мгновение оцепенел, а после резко вывернул руль влево, одновременно втопив педаль тормоза до упора в пол. Последним, что он успел увидеть и запомнить, были крупные буквы Volvo, нанесенные на внешнюю часть кабины приближающегося грузовика...

– Доктор, что с ним?! Что с Жорой?!

Мама Георгия, чье лицо и глаза распухли от долгого, практически непрерывного плача, сама не заметила, как крепко вцепилась в рукав халата врача. Отец же стоял позади. Его глаза были сухими, но сам он буквально почернел и весь как-то сжался. Он будто все еще боялся поверить в происходящее и держался лишь на ложной, абстрактной вере, что все будет хорошо, одновременно придавленный жестокой реальностью...

Впрочем, хирургу, вышедшему на встречу с родителями тяжелого пациента, не раз приходилось сообщать плохие новости отчаянно надеющимся на чудо близким безнадежных, так что к их мольбам и даже истерикам он давно привык и научился абстрагироваться. Потому сейчас просто сообщил не самые радостные факты, сохранив при этом лишь легкий налет участия в интонациях:

– У вашего сына перелом ребер, причем два из них пробили легкое, компрессионный перелом позвоночника и закрыли

тая травма черепа со сдавливанием головного мозга. Мы сделали операцию, в настоящий момент жизни пациента прямых угроз нет... Но он сейчас в коме третьей степени, так называемой атонической. Было кровоизлияние в мозг, так что... Никаких утешительных прогнозов я, увы, вам дать не могу.

Мама Георгия закрыла рукой рот, отпустив рукав и издав при этом какой-то малопонятный писк, глаза ее тут же налились слезами. Вместо нее заговорил отец, усталым, надтреснутым голосом человека, ни на что не надеющегося, а просто говорящего то, что он обязан сказать:

– Доктор, ведь можно же что-то сделать? Как-то помочь Жоре? Поверьте, мы не постоим за ценой, если действительно можно хоть что-то, хоть как-то...

– Надо было машину ему новую купить! Хорошую, не битую, с работающими подушками безопасности!!! Вот когда деньги нужно было тратить!!!

И хирург, и говоривший с ним отец постарались не обращать внимания на маму, уже сорвавшуюся на истерику и готовую обвинять буквально всех и вся. Впрочем, последнее ее обвинение было вполне справедливым...

К удивлению и бескрайней радости родителей, тут же обретших надежду и вцепившихся в нее, словно в спасательный круг, доктор утвердительно кивнул:

– Сейчас проводится экспериментальное тестирование нового медицинского оборудования, способного, по замыс-

ду создателей, помочь пациентам в коме. Оно стимулирует нормальную активность головного мозга, ускоряя выздоровление, и одновременно считывает его показатели, что помогает нам эффективнее мониторить состояние больного. Мне известно, что было уже несколько удачных случаев выхода из комы после применения этого оборудования. И также одна смерть – впрочем, эта смерть была прогнозируема, и фактор влияния тестируемого оборудования расчетно невелик... Однако я должен предупредить вас обо всех возможных рисках, в том числе и о летальном исходе. Для использования оборудования необходимо письменное согласие и подписание договора с близкими родственниками пострадавшего.

Мама Георгия замерла, впад в ступор после слова «смерть» и не в силах трезво оценить ситуацию. Поэтому вновь заговорил отец:

– Скажите, доктор, как бы вы поступили на нашем месте?

Хирург позволил себе легкую улыбку, разведя при этом руками:

– Послушайте, случай тяжелый, но люди выходили из комы и сами, и по-прежнему выходят... Никто не может дать вам стопроцентных гарантий.

Отца подобный отстраненный ответ ожидаемо не устроил, и он повторил вопрос:

– Доктор, никто не собирается вас засудить за ваши слова или ссылаться на них после, будем считать, что вы уже

озвучили все риски. А теперь ответьте, пожалуйста, искренне: как бы вы поступили на нашем месте?

Хирург молчал долгих пять секунд, после чего панцирь его отстраненности раскололся, и ответил он действительно искренне:

– В этой ситуации я бы рискнул и дал близкому человеку еще один дополнительный шанс.

Выслушав его, папа Георгия утвердительно кивнул:

– В таком случае мы подпишем документы.

...Они стояли у окна больничной палаты, наблюдая за тем, как врачи тянут к перебинтованной голове их сына какие-то провода, нацепив на нее сверху шапку из присосок наподобие той, что используется при ЭКГ. Рядом стоял навороченный компьютер – основное тело нового оборудования, способного, по словам хирурга, помочь Жоре выйти из комы...

Закончив приготовления, один из докторов нажал что-то на аппаратуре, и экран компьютера замерцал, после чего отобразил ряды цифр и какие-то диаграммы... Родители ожидали чего-то более эффектного при запуске, но реальность оказалась куда более прозаичной. И видимо, именно поэтому мама неожиданно спросила вслух, при этом ни к кому не обращаясь:

– Интересно все-таки, а где он сейчас? Что видит?! Это как сон – или...

Глава 2

Пришел я в себя резко, без перехода. Вот только что на меня несся грузовик Volvo, и я закрыл глаза от ужаса, предчувствуя тяжелейший удар и уже не в силах сделать хоть что-то... И вот я снова открыл их. А над головой – переплетение древесных крон, усеянных красными, желтыми и иногда все еще зелеными листьями. Некоторые ветви успели уже и во все оголиться... Они плотно примыкают друг к другу, будто образуя настоящие своды; но вот подул ветер – и верхушки кленов и берез явственно закачались, а вниз стали осыпаться потревоженные листья, по спирали закручиваясь в воздухе, подсвеченные лучами пробивающегося под сень деревьев солнца...

Я сделал глубокий вдох – и зажмурил от удовольствия глаза. В городе столь чистого, сладкого воздуха, насыщенного ароматом только-только опавшей, подопревшей листвы, встретить невозможно. Разве что уж совсем на окраинах или на лыжной базе, где растет целая роща вековых дубов. А потом на мое лицо легонько спланировал сорвавшийся с ветви березовый листок, он будто бы ласково погладил меня, неведомо скользнув по щеке.

Господи, как же хорошо!

Еще не до конца осознав происходящее, я вдруг подумал о том, что, возможно, попал в рай. А следующая мысль, про-

мелькнувшая в голове, звучала примерно так: «В раю здорово!» И тут же накатила легкая грусть: «Так что, выходит, я тогда погиб под колесами грузовика?!»

Однако не успел я как следует погрузиться по поводу своей безвременной кончины, как раздался чей-то приглушенный и одновременно с тем крайне встревоженный возглас:

– Половцы! Половецкий разъезд к колоку идет! Вставайте, братцы!

В голосе говорившего было столько искренней тревоги и неподдельного напряжения, что я сразу же поверил ему и резко приподнялся, понукаемый говорившим, широко раскрыв глаза. А после еще и рот – от удивления.

Первая мысль была, что я попал на реконструкцию, на один из выездных фестивалей, в которых мы периодически участвовали с «Наследием». Ибо моему взгляду предстало несколько молодых мужчин, облаченных в шерстяные рубахи с длинными рукавами и широкие, словно шаровары, холщовые штаны. Отдельно мой взгляд зацепился за кожаные сапоги – они были у каждого из шести парней, лежащих в круге у костра. Хотя парнями их все же назвать как-то... не совсем верно, уж больно цепкие, сосредоточенные, серьезные взгляды были у проснувшихся. Такую внутреннюю собранность редко когда встретишь у моих сверстников.

А еще из картины выпадали наши лежаки. Точнее отсутствие привычных туристических ковриков-пенек и спальников. Реконструкция реконструкцией, но если мы спали на

выезде без палаток-шатров, то без всякого зазрения совести пользовались привычными любому любителю отдохнуть на природе «допами». А тут... Нарубленные тонкие гибкие ветви молодой поросли, поверх которых постелены не иначе как лошадиные потники! Причем в сознании как-то сразу всплывает, что это именно потник, а не попона, хотя раньше с лошадьми в нашей реконструкции мы особо не работали... Соответственно, знал я о конской сбруе ну совсем уж поверхностно. Укрыты же мы – и я в том числе! – чепраками. И опять же, в сознании будто всплывает, что это именно чепрак – суконная подстилка под седло, что обычно кладется поверх войлочного потника, защищая спину животного от натирания...

А под головы на время сна мы и вовсе подкладывали седла – в точности, как легендарные богатыри Святослава! О седлах я как раз в свое время читал, и читал немало, так как это касалось непосредственно техники ведения боя и выбираемой тактики сражений. К примеру, седло с очень высокими луками, вкуче со стременами и шпорами, было главным условием для таранного копейного удара европейских рыцарей. Наши же седла-подушки более близки к азиатским и имеют относительно высокую переднюю луку, а вот задняя у них, наоборот, невысокая и довольно узкая. Я как-то слышал, что подобная конструкция давала возможность дружинникам-русичам свободно вставать на стременах и разворачиваться, чтобы стрелять с седла, причем и назад, при от-

ступлении от врага! Или же рубиться со степняками легкими саблями. Однако при этом у русских всадников оставалась возможность нанести и сильный копейный удар, о чем, кстати, свидетельствуют изогнутой формы шпоры, аккуратно сложенные рядом с моим седлом...

У одного из наших, мужика постарше, шпоры у седла и вовсе революционные, с колесиками! В рыцарской Западной Европе, кстати, они появились только во второй половине тринадцатого века, но на Руси были известны ранее: большое число колесцовых шпор обнаружили, например, при раскопках Изяславля, погибшего во времена Батыева нашествия. По крайней мере, именно с Изяславлем археологи отождествляли раскопанное в 60-х годах XX века городище в Хмельницкой области...

Ну а добили меня настоящие лошади, стреноженные и мирно пасущиеся среди деревьев рядом со стоянкой.

Пока на круг выходит два объяснения происходящего. Разбив машину и опоздав на защиту диплома (впрочем, возможен и прямо противоположный вариант – я его успешно защитил!), я набухался до «белочки» и отправился на какой-то новый фестиваль с совершенно незнакомыми, но очень крутыми реконструкторами, у которых буквально все аутентично! Или же, что вернее, вначале я отправился на фестиваль, а уж потом набухался в их компании так, что ничего не могу вспомнить; возможно, пьянка продолжалась не один день. Тот факт, что я редко употребляю алкоголь и еще ни

разу в жизни не был пьяным, произошедшему, в принципе, противоречит не сильно. Все ведь случается в первый раз, вот последствия и сказались...

Даже то, что рядом не видно пустых бутылок из-под спиртного или банок от тушенки, не валяется, наконец, в сторонке скромный мусорный пакет, также можно объяснить тем, что все банально заранее убрали. Отсутствие обязательного в таком случае перегара... Ну, тоже можно объяснить. Если постараться... Возможно, пьянка закончилась еще вчера, а мне помешала прийти в себя алкогольная интоксикация. Или же сказались последствия аварии...

Совершенно необычный для реконструкторов костер разведчика, разведенный в яме, от которой ведет дымоход ко второй, уже меньшей ямке, отлично скрывающий отблески пламени в ночи и частично рассеивающий дым, но в то же время очень плохо греющий... Ну конечно, и его можно объяснить! Например, суровой приверженностью моих новых знакомых к средневековой аутентичности... В конце концов, я ведь слышал о реконструкторах Белого движения из Питера, несколько лет подряд устраивающих марш по заснеженной донской степи, имитируя в условиях, близким к боевым, Ледяной Кубанский поход 1918 года! По слухам, те ребята так же сурово радели за абсолютную подлинность предметов быта и обихода...

Да, все происходящее, пусть и с натяжкой, все же можно как-то объяснить с точки зрения логики, сославшись на

вполне вероятный провал в памяти... Потому как второе объяснение звучит гораздо более фантастично и невероятно: я провалился в прошлое! Уже без всяких – логичных или нелогичных, более или менее подходящих на правду – объяснений. Просто отправился назад во время автокатастрофы...

Да ну, бред! Так просто не бывает!!! Или?!

Размышлял я о происходящем, однако, как-то вполне привычно наматывая на голени и ступни... Онучи? А мышечная память-то откуда?! Дома ведь носки надевал! Ну, может, я все-таки провел с реконструкторами не один-два дня, а где-то неделю или даже полторы?! Вот кольчужную рубаху с рукавами пониже локтя я надел через голову, словно какую футболку, действительно привычно.

Пояс... Дорогой кожаный пояс с бронзовыми украшениями и статусным концом затянул на талии с присущей и ранее сноровкой. С воинской сбруей... А вот ней оказалось сложнее. То есть саблю в деревянных, обтянутых кожей ножнах и нож я повесил на пояс вполне привычно, но когда мой взгляд упал на легкий кавалерийский топорик-чекан с узким лезвием, я оторопело замер. Ибо, во-первых, его лезвие наточено. Что нашими реконструкторами не просто категорически не приветствуется, а буквально и строго запрещается. Причем с очень жесткими санкциями в случае нарушения запрета. Обычно за такое следует вылет из клуба, ибо дебил, взявший с собой на фестиваль наточенное оружие, рано или поздно может пустить его в ход, и тогда тяжелые травмы обеспече-

ны. А может, и летальный исход... Ну а во-вторых, как выпускник пятого курса историко-археологического факультета я не мог не отличить сварную сталь, изготовленную из болотной руды, от современных новоделов. Так что или в моих руках офигенно дорогой копаный, а после восстановленный чекан (стоящий в этом случае весьма и весьма внушительную сумму), или кто-то жестко заморочился с воссозданием в современных условиях опять-таки аутентичного оружия. Что также будет стоить гораздо дороже новоделов и явно мне не по карману! Подарок?! Может быть. Это могло бы даже объяснить его заточку... В таком случае, если сабля и нож современные, можно тихо выдохнуть, расслабиться и с удовольствием предаваться дальнейшей игре в средневековье; главное, не схватиться в пылу будущего бугурта за боевой топор!

С этими мыслями я потянул саблю из ножен... И на мгновение в моих глазах потемнело. Ибо чуть искривленный клинок, более похожий на казачью шашку, без гарды, а лишь с нешироким перекрестьем у рукояти, был не только заточен и также выкован из сварной стали... Я его узнал! Именно этой саблей я был вооружен во сне: цвет стали, мелкие поперечные царапины на заставе (нижней трети), незамеченная до того трещина на ручке деревянной рукояти – все, абсолютно все было узнаваемо!

А потом раздался голос старшего, и я окончательно убедился в нереальности происходящего:

– Егор, чего тянешь?! Быстрее тетиву на лук натягивай!

Егор... Так звали парня, погибшего на стене охваченного пламенем Пронска...

Стоп! Стоп!!! Не может быть!!! Это что же, я... В прошлом?! И скоро сюда придут монголы?! А какой нынче год?! Что можно успеть сделать, пока они не появились?! Да бред это, чистый бред! Не может такого быть, не может!!!

Однако же вся моя внутренняя истерика проходила на фоне опять-таки привычных, машинальных действий. Я потянулся к саадаку с луком, лежащему на земле подле седла, и буквально оторопел от восхищения! Ибо в моих руках оказался настоящий композитный, то есть склеенный животным клеем из нескольких слоев древесины, лук с роговыми вставками и прикрепленными с внутренней стороны жилами! При этом по форме и внешнему виду он стремился скорее к лонгбоу, громко заявившему о себе в битве при Креси, чем к классической для составных луков сигмовидной (еще ее называют скифской) конструкции с двумя изгибами. И хотя размерами до английского длинного лука оружие, что я взял в свои руки, явно не дотягивает, все же оно очевидно длиннее скифского композита...

Тетива из сухожилий окончательно меня добила. При этом, натягивая ее на лук, я подивился тому усилию, что пришлось приложить. Не удержался, поиграл с тетивой, словно уже наложил на нее стрелу и собрался стрелять... А ведь сила-то натяжения навскидку не менее пятидесяти кило-

граммов! Откуда знаю?! Да довелось однажды пострелять из спортивного лука с точно такой же силой натяжения. Так вот, по ощущениям все очень близко.

Пытаться хоть как-то объяснить себе подобное сокровище я не стал по двум причинам. Во-первых, ответов на вопросы, кои скопились уже во множестве, у меня сейчас просто нет. И очевидно, стоит все же подождать, пока появится побольше информации, чтобы сделать первые адекватные выводы, а во-вторых... А во-вторых, я получил огромный кайф оттого, что стал обладателем целого арсенала дорогущего даже в мое время и (очевидно же!) аутентичного оружия.

По сути, в реконструкцию людей прежде всего толкает любовь к истории, желание ее хоть немного осязать, пощупать собственными руками, а еще истинно детская страсть взять в руки настоящий меч, или топор, или тот же лук, облачиться в настоящую кольчугу... Так вот, судя по всему, я стал владельцем самых шикарных образцов инвентаря, настоящих в наивысшей степени! И это вызывает просто безграничный восторг!

Между тем старший, как я внешне определил его по возрасту, коий сам обозначил свои руководящие функции, подстегнув меня, уже обратился к единственному всаднику, подошедшему к стоянке (очевидно, это он всех нас и разбудил), и еще одному воину:

– Завид, Мал, обойдите колок верхами, покажитесь половцам, пусть вас заметят. В драку сами не лезьте: не пове-

рят, что вдвоем напали на целый разъезд! Но ты, Завид, можешь им что крикнуть обидное; а как за вами погонятся, выводите их к приметному дубу, чей венец молнией пополам расколото. Давайте, братцы, на вас вся надежа!

Обернувшись же к оставшимся, Кречет (в голове вновь само по себе всплыло имя кряжистого, широкоплечего чернобородого мужика лет тридцати пяти с глубокой морщиной на переносице!) коротко приказал:

– За мной, дружинные. А лошади пусть покуда здесь останутся.

Старшой ведет нас за собой через колок – небольшую степную рощу, образующуюся, как правило, рядом с источником воды или там, где грунтовые воды поднимаются достаточно близко к поверхности, практически как оазисы в пустыне! И пока мы бежим, я успеваю присмотреться к окружающим меня людям, а в голове само собой всплывает информация о моих спутниках.

Например, бегущего от меня по правую руку парня зовут Ладом, и он весь действительно какой-то ладный, стройный, даже немного смазливый. Но горящие возбуждением и предчувствием скорой схватки глаза добавляют его внешности необходимой мужественности и брутальности. Лад не трус, никогда им не был и хорошую драку уважает! А уж сколько незамужних девок по нему тоскуют и ночами грезят... Остается только завидовать!

Кречета от меня скрывают тяжелые, очень широкие плечи

Микулы, едва ли не богатырского телосложения бойца, легко гнувшего руками подковы и одним ударом меча способного обезглавить быка! Однажды в схватке Микуле довелось ударить половецкого коня кулаком между глаз, так ведь померла бедная животинка! На вид Микулу словно топором вырубил из цельного куска дуба, особенно лицо. Да и внешний вид у него немного звероватый. Однако же мало кто знает столь доброго отца, столь ласкового и заботливого мужа и лучшего старшего товарища! В нашем дозоре Микула является вторым после Кречета. Был бы первым, да излишняя доброта и честность мешают прямому характером и сердцем воину идти на всякие военные хитрости и уловки, на кои старшой, наоборот, весьма горазд. Да и возрастом Микула не вышел – и четверти века еще землю не топчет, хотя выглядит старше своих лет...

Слева же и чуть сзади держится, стараясь не отставать, Захар. Он немного прихрамывает: недавно потянул ногу. В нашем отряде он самый молодой, даже бороду вырастить не успел! Но глаз у него остер: Захар лучший, самый меткий из всех нас лучник, способный сбить стрелой яблоко за полсотни шагов. А на саблях не уступает ни мне, ни Ладу, ни братьям-половчанам...

Братья-половчане – это как раз Завид, встретивший утро настоящего дня в дозоре и заметивший неприятеля, и Мал, младший брат-погодка Завида. Оба родились от полоненной их отцом, также дружинником, степнячки-куманки. Послед-

няя столь полюбилась русичу, что он девушку не тронул, не насильничал в степи (хотя и мог!), а привез домой, поселил в родительском доме, ласкою и заботой пленил ее сердце, а уж потом и повенчался на Марии – с этим именем полонянку крестили. С тех пор прошло уж двадцать весен. Братя-половчане выросли ничем не отличающимися внешне от сверстников, разве что волосы их чуть желтее, зато лучших всадников в округе найти будет сложно!

Откуда я это все знаю?! Вопрос хороший. Но я опять-таки могу извернуться и выдать версию, что вся информация в моей голове – это подборка заранее выученных и запомненных легенд персонажей игры-реконструкции. И что из-за очевидных проблем с памятью, опять-таки наверняка связанных с аварией (в версию с алкоголем уже верится крайне слабо), воспоминания приходят как-то обрывочно, кусками.

Впрочем, думаю я опять же на бегу, размышляя о метаморфозах с памятью как-то отстраненно. Основное же мое внимание приковано к земле: как бы не зацепиться ногой за какую корягу! Азарт будущей схватки захватил меня целиком, и все заумные размышления и рассуждения я просто отбросил, оставил их на потом. Ведь в любом случае вскоре все уже наверняка прояснится. Потому как если это реконструкция, нас ждет всего лишь лайтовый бой за очки, в одно касание. Если нет... Вот об этом лучше пока не думать!

Глава 3

К приметному дубу с раздвоенной верхушкой, пострадавшему от удара молнии, мы выскочили как-то внезапно. Впрочем, что такое колок? Простая, не очень большая роща, хотя в центре ее казалось, что это настоящий лес! Видимо, стоянку разбили в глубине колока ради лучшей маскировки... Однако всего полминуты бега – и вот мы уже на опушке! А за ней до самого горизонта простирается равнина с желто-серого цвета высокой травой, волнуемой порывами ветра, да сквозь набежавшие тучи широкими столбами пробиваются солнечные лучи.

От представшей передо мной картины бескрайнего простора на секунду перехватило дыхание: по сравнению с ней я вдруг почувствовал себя совершенно несоизмеримой крошечной песчинкой, столь жалкой и беспомощной, что и помыслить страшно! И тут же в голове молнией промелькнула мысль о том, что против монгольской орды, саму степь олицетворяющую, я также являюсь столь же крохотной песчинкой... И да, вряд ли монголов и покоренных ими воинов разномастных племен меньше ста тысяч. А если меньше, то ненамного, несмотря на все разглагольствования скептиков: четырнадцать туменов у каждого из родственников Чингисхана, отправившихся к последнему морю с Батыем, и в каждом тумене десять тысяч. Штатно! Ведь войско Сотрясателя

вселенной было четко структурировано, разбито на десятки, сотни и тысячи, так что тумен – это что-то наподобие современной дивизии... Причем на границе Рязанского княжества орда стояла не просто так: согласно летописям, Батый ждал подхода своих родичей из степей, где они гонялись за половцами, и Поволжья, где покоряли буртасов, чтобы собрать войско воедино. И пусть даже в каждом из приведенных туменов в среднем осталось процентов шестьдесят личного состава (потери в боях с булгарами, буртасами, западными половцами, мокшей, все еще незакрытые поставленными в строй рабами), то все равно ведь получается число, близкое к ста тысячам!

Впрочем, от тягостных размышлений я отвлекся уже в следующую секунду, услышав задорное гиканье, и тут же увидел бодро рысящих к дубу братьев-половчан. Дружинники проскакали мимо, Кречет только утвердительно кивнул им, после чего жестом руки приказал нам прятаться за деревьями, пока половцы не разглядели. Мои соратники выполнили его приказ быстро и умело, я... Я чуток притормозил, оглядываясь по сторонам в поисках достаточно надежного укрытия – в смысле толстого в обхвате дерева, оставшегося свободным, – не нашел, а поймав на себе злой, буквально испепеляющий взгляд Кречета, метнулся к могучему дубу, замерев рядом с вожаком. Последний лишь зло, неодобрительно мотнул головой, не проронив, Впрочем, ни звука – боится, что засада не удастся.

Действительно, приближающиеся половцы могли заметить мое движение, но, по всей видимости, все же не заметили. Аккуратно высунувшись с левой стороны толстого, не менее двух обхватов, дубового ствола, я увидел одиннадцать скачущих за братьями всадников, стреляющих на ходу из луков. При этом у трех воинов легкие круглые щиты (возможно, плетеные, из той же ивы) были надеты локтевым хватом на левую руку, одновременно с тем удерживающую лук, у остальных – приторочены к седлу.

На моих глазах один из степняков отчаянно вскрикнул и выпал из седла, поймав удачно пущенную в ответ стрелу в грудь – наши половчане огрызаются крепко! Они развернулись в седлах полубоком, обратившись к степнякам, и закинули за спины каплевидные щиты. У одного из братьев – кажется, старшего, Завида, держащегося чуть позади и словно прикрывающего собой Мала, – в нем торчат уже два древка! У меньшего же пока нет ни одного... А вот мы свои щиты, кстати, оставили на стоянке!

Между тем всадники уже практически поравнялись с засадой, и я поспешил укрыться за дубом, довольно подробно разглядев наших врагов. Успел отметить, что последние защищены лишь стегаными халатами, не имеющими никаких металлических вставок, да легкими круглыми щитами, у большинства все еще притороченными к седлам! Помимо луков со стрелами и легких сабель только трое половцев вооружены также недлинными копьями...

Тот факт, что на моих глазах убили человека – крик боли был явно не фальшивым, к тому же половца во время удара стрелы в грудь ощутимо дернуло и явственно толкнуло назад, после чего он буквально вылетел из седла! – меня практически не тронул. То, что это не реконструкция, в принципе, уже очевидно... Если только я вдруг не оказался участником съемок очень крутого исторического блокбастера с профессиональными каскадерами и космическим бюджетом, раз создатели позволили себе реальные клинки, а не киношную бутафорию! Но ведь помимо некоторых воспоминаний ко мне начали приходить и чувства Егора. А с ними к врагу, являвшемуся на Русь пограбить, да угнать баб и детишек в полон, да побить стрелами и порубить саблями безоружных, проснулась стойкая, непримиримая ненависть. Помог и тот сон, когда я уже был Егором, – появившиеся чувства не были мне незнакомы!

Интересно, что это?! Понятно, что не попадание в собственном теле, а значит что? Переселение души?! Или это все еще сон?! Впрочем, последнее вряд ли. Во сне я именно что был русским дружинником, сражающимся в Пронске, и смотрел на все происходящее как бы со стороны, в то же время управляя воином. Теперь же я являюсь именно что собой, и все происходящее вижу, чувствую и осязаю от первого лица...

– Как только окажутся повернуты к нам спиной – бей!

Голос Кречета продрался ко мне словно сквозь пелену, и

я тут же потянулся к туго набитому колчану, закинутому за спину, в коем покоится навскидку не менее двух с половиной десятков стрел. Пальцы правой руки при этом предательски задрожали, я только сейчас прочувствовал, как бешено бьется в груди сердце, и осознал, как же сильно я взволнован и напряжен!

– Давай!!!

Уже даже не пытаюсь выбрать подходящую стрелу из колчана, я резко выпрямился, подхватив первую попавшуюся, одновременно с тем крепко-крепко сжав лук, и рванул вперед, обегая дерево! А когда мне открылись спины скачущих за половчанами всадников, тело заработало словно само по себе: я развернулся к врагу левым боком, расставив ноги на ширине плеч и развернув носок левой вперед. Подняв лук на уровень плеч, я одновременно с тем наложил на тетиву срезень с ромбовидным наконечником, расширяющимся к острию, с привычным (!) усилием оттянув оперенный кончик стрелы к правому уху. При этом я будто прочертил глазами линию по ее древку и далее, соединив с корпусом скачущего впереди половца, и тут же взял упреждение, так, чтобы наконечник оказался чуть правее и выше цели...

На несколько невыносимо долгих мгновений я замер, не в силах разжать пальцы и отправить в полет стрелу, что наверняка поразит врага, нанесет тому широкую и глубокую рану! Наверняка смертельную... Но вот убить я оказался просто не готов. Несмотря на сон, в котором уже убивал половцев

руками Егора, несмотря на всю его ненависть к степнякам... Я просто не смог убить живого человека!

И ведь все остальные дружинники уже успели выстрелить! Микола промахнулся, громко при этом ругнувшись, Кречет и Захар попали точно, убив выбранных ими противников, а стрела Лада лишь зацепила руку одного из всадников... Мои же пальцы, удерживающие собственную стрелу, уже начали дрожать от напряжения – сила натяжения у лука ведь какая! Но при этом и опустить его я тоже не могу – бойцовские инстинкты дружинника не позволяют!

Мои метания прервал степняк, выбранный мной в качестве цели. Осознав опасность при виде погибших сородичей, он тут же резво развернулся в седле и вскинул собственный лук, целя уже в меня! И тогда, понукаемый страхом и переполненный отчаянной решимостью, я последним напряжением сил сделал еще одну поправку по наконечнику, вправо-вверх, а после, вскрикнув, отпустил, наконец, стрелу! Правую щеку при этом легонько обдало воздухом, а в следующее мгновение левую жестко пробороzdил наконечник срезня половца! Громко закричав от резкой и неожиданной боли, я на мгновение зажмурился, но вместо того, чтобы потянуться правой рукой к ране, схватился за следующий срезень в колчане. А раскрыв глаза, увидел, как валится из седла мой половец с распоротым стрелой горлом, заливая халат кровью из широкой резаной раны...

Я убил человека! Я убил... Это, блин, точно не рекон-

струкция!!!

И ведь кажется, что будь мой наконецник чуть уже, враг бы отделался легким испугом! И кто знает, как бы дальше дело пошло, половец ведь сам чуть не убил меня, выстрелив практически без прицеливания, навскидку!

Однако поразив одного из кочевников и остро зарефлексировав после, я едва не упустил второго, развернувшего коня и поскакавшего прямо на меня! По ходу именно потому, что остальные дружинники вновь спрятались за деревьями, в то время как я остался стоять возле дуба живым памятником собственной тупости...

В этот раз я отправил стрелу в полет не задумываясь, даже с легким оттенком злорадства, вот только мой противник успел уже изготовиться и умело закрылся от срезня щитом. А в следующую секунду он ловко перехватил висящее за правым плечом копьё, нацелив его острие мне в грудь!

Я испытал легкое чувство дежавю при виде летящего ко мне во весь опор всадника, вот только во сне мне противостоял пещец с копьём, а не конный! Но замерев истуканом на месте, я все же потянулся правой рукой к сабле, уже сжав пальцами ее потертую рукоять, впрочем, совершенно не понимая, как сумею отклонить клинком удар половца, набравшего инерцию на скаку...

Однако враг до меня так и не доскакал: свистнула над левым плечом стрела, выпущенная из-за спины, и вонзилась скакуну в шею, заставив того жалобно, громко заржать и

встать на дыбы! Сзади раздался довольный возглас Микулы, а раненая лошадь меж тем начала бить по воздуху передними копытами, словно пытаясь ими достать древко вонзившегося в тело срезня... Спустя секунду животное рухнуло набок; всадник, впрочем, успел выскочить из седла. Выронив при падении копьё, он сохранил щит и успел уже выхватить из ножен саблю, не сводя с меня полного ненависти взгляда!

Я даже не понял, что подтолкнуло меня навстречу половцу, что заставило побежать вперед, обнажив собственный клинок и одновременно потянув левой рукой чекан из-за пояса! То ли передававшаяся от Егора ненависть к степнякам, то ли уже моя собственная ярость, рожденная страхом неминуемой смерти, что сковал тело всего несколько мгновений назад, да болью в рассеченной щеке! Так или иначе, но к противнику я подскочил, приглушенно рыча; тот решил играть от обороны и прикрылся щитом, готовя собственную атаку... Однако в реконструкции я в течение последнего года занимался не спустя рукава, до нее был какой-никакой опыт в единоборствах, а главное, мне, похоже, передалась вся мышечная память Егора!

Сблизившись с половцем, я широко ударил топором слева направо, подцепив чеканом край щита и буквально раскрыв противника. А вот дальше рубанул уже саблей, развернув кисть к себе и от души полоснув по незащищенному бедру врага снизу вверх! Тот припал на раненую ногу, и рука с щитом рефлекторно пошла вниз, чтобы прикрыть бедро, а

я меж тем, развернув кисть, обрушил лихой секущий удар сверху вниз по диагонали, целя в шею!

В следующий миг мой клинок ощутимо дернуло – он встретился со сталью вскинутой вверх половецкой сабли, но удар вышел слишком тяжелым, чтобы его удержал не очень жесткий блок, и мое оружие скользнуло вниз, провалив защиту половца и самым острием пробороздив плоть над его кадыком...

Расправившись со вторым врагом, я оторопело замер, только теперь осознав, что представляю собой отличную мишень для умелых в обращении с луками всадников и что меня легко мог зарубить (или заколоть!) подскочивший сбоку степняк! Но мне повезло: меткий, словно снайпер, Захар ссадил второго врага, попав тому точно в лицо стрелой, прошедшей над самой кромкой щита, а Лад добил свою жертву вторым удачным выстрелом... Кречет же расчетливо ссадил еще одного половца: его срезень по касательной пробороздил голень всадника и одновременно с тем впился в лошадиный бок! Отчаянно заржав, кобыла сбросила наездника.

Оставшиеся трое куманов поскакали прочь. Но тут же одного из них – воина, не успевшего перекинуть щит через плечо на спину, подвесив его за длинный ремешок, – поразила в открытую спину стрела, пущенная кем-то из братьев-половчан. При этом, кажется, с нашей стороны потерь нет. Победа?!

Я было уж успел обрадоваться, как тут же подскочивший

ко мне Кречет от души влепил звонкую затрещину, зло прокричав:

– Ты что, Егор, жить раздумал?! Ты куда под стрелы и копья полез, дурень, ты чего сам не стрелял?! Чего на половца спешенного сам кинулся? Дал бы ему до дуба дойти, а уж там мы бы его вместе прикончили! Тебя ж чудом, дурня, остальные степняки не срубили!!! И что б я тогда мамке твоей сказал бы? Как сестре родной в глаза бы посмотрел?!

Оплеуха, от которой с головы слетели и шелом, и кожаная шапка-подшлемник, вкупе с яростной отповедью старшего дозора, словно активировали память «носителя»-Егора. Весь его жизненный путь от первых детских воспоминаний до настоящего дня и часа встал перед моими глазами! Целый калейдоскоп воспоминаний, эмоций, чувств и переживаний обрушился на меня настоящим шквалом, и от них тут же заболела голова, очень сильно заболела... Но все же, поднапрягшись, я сумел кое-как успокоить хаос мечущихся в голове мыслеобразов и вычленил главное.

Я – Егор, сын погибшего пять лет назад старшего дружинника князя Елецкого Никиты, павшего от рук разбойников-половцев. Теперь вот и сам состою в дружине, пока еще младшей. А Кречет не только мой командир, но еще и дядя по маме! Перед глазами тут же предстали образы-воспоминания с лицами отца Егора и его матери, но я прогнал их усилием воли – не время! Следом внутреннему взору явился также крепкий острог на Каменной горе, сегодня и яв-

ляющийся Ельцом. Вот же как повезло, попал в буквальном смысле слова на родину! Заодно привиделась небольшая крепость князей Воргольских, что было крайне интересно само по себе, однако и эти образы я развеял, стараясь докопаться до самой сути.

Докопался... Год 6745 от сотворения мира, конец сентября, то есть сентября, если перевести на нормальный русский язык. А год, коли счет вести от Рождества Христова, получается 1237-й. До удара хана Батыея остается чуть более двух месяцев...

При этом наш разъезд отправился в степь именно с целью собрать как можно больше сведений о концентрирующей силы орде монголов (и покоренных ими народов!) в степи у верховьев реки Воронеж. Одновременно с тем в крепости Воронож (именно как я прочел мыслеобразы Егора, совместив их с собственными знаниями, здесь речь идет не о будущем областном центре, а о крепости в пределах современной мне Липецкой области) собирает силы рязанский князь Юрий Ингваревич. Он на днях пришел в Воронож с многочисленной и крепкой рязанской дружиной в две с половиной тысячи мечей, еще полторы тысячи профессиональных всадников-дружинников ведут князя Муромские.

В Пронске, Переяславле-Рязанском, Коломне спешно собираются довольно крупные, по местным меркам, дружины от пятисот до тысячи воинов в каждой! А из более маленьких Белгорода, Ростиславля, Ижеславца, Перевитска обеща-

ют прибыть отряды по двести-триста бойцов...

Также в княжескую ставку уже отправились дружины малых пограничных городков типа Ельца, Ливен, Воргола, где по сотне, а где и того меньше дружинников, оставив на защиту семей едва ли пятую часть воев. Зато таких городков много, и на круг выйдет тысячи под полторы-две опытейших порубежников, выросших на границе со степью и приученных сражаться по-степному, но с русским мужеством и лихостью!

А с ними пусть и медленно, но собирается ополчение земли рязанской. По крайней мере, те мужи, что живут рядом с бескрайними ковылями и привычны уже брать в руки лук со стрелами, копьё со щитом или малый боевой топор, чтобы защитить родную весь от разбойного набега! Многие идут и конно, у кого-то из ополченцев есть крепкая кольчуга, у кого-то – верткая половецкая сабля, добытая в бою...

Могучая сила у Юрия Ингваревича соберется, под пятнадцать тысяч крепких, бывалых воинов, хорошо знающих воинские хватки и ратную силу явившегося с востока врага! Ведь уже сколько приходило кочевников из степи – хазары, печенеги, торки, болгары, половцы... Словно Змей Горыныч былинный, у которого одну голову срубашь, а две вырастают! Теперь вот монголы, чья рать едва ли не наполовину половецкая! Разве не остановим их всей силой княжеской?!

Увы, такие мысли могли быть у бодрящегося Егора, у его дяди, старшего дружинника Кречета, да даже у князя рязан-

ского Юрия Ингваревича, готовящегося дать битву на границе своих владений и не осознающего, что его войско едва ли не в семь раз меньше вражьей рати! Но не у меня, неплохо знающего историю Батыева нашествия... Впрочем, что у Батыя сил больше, Юрий как раз догадывался, потому-то князь и отправил гонцов с просьбой о помощи к тезке, великому князю Владимирскому Юрию Всеволодовичу, да к Михаилу Всеволодовичу, князю Черниговскому.

Причем гонец, отправившийся с малой свитой в Чернигов, боярин рязанский Евпатий Коловрат, как раз на днях в Елец прибыл и дожидается ныне возвращения нашей сторожи. Перед выходом ее в степь он лично попросил Кречета доставить ему языка вражеского, то есть пленного! Хочет для убедительности Михаилу Всеволодовичу показать. Чтобы со слов живого врага узнал князь о могучей силе прибывшего к рубежам Руси Батыя...

Глава 4

К Ельцу мы подобралась к вечеру второго дня после боя. Как оказалось, чтобы встретить один из кишачих в округе половецких разъездов, окруживших могучую орду Батыя, словно москитный рой, достаточно было углубиться в степь совсем недалеко...

Всю дорогу я старался отмалчиваться, редко реагируя кривой усмешкой на легкие подколки Лада или виноватой улыбкой на добродушное ворчание Микулы. И то и другое было связано с моим очевидным косяком во время стычки, за который я, кстати, уже получил нагоняй от Кречета! Последний же про меня будто и вовсе забыл, он зорко следил за пленным степняком и, по всему виду, очень надеялся доставить того живым в крепость, на глаза боярину Евпатию Коловрату.

Рана половца хоть и не представляла опасности для жизни последнего сама по себе, однако могла его погубить. Ведь вполне достаточно заражения от волокон грязной одежды, попавших в довольно-таки глубокий порез! По-хорошему, эти волокна нужно было достать чем-то вроде пинцета (на самом деле я не знаю, чем в таком случае работают врачи, просто предположил), перебинтовать ее обрезками чистой ткани, кои, по уму, еще стоило и прокипятить... Ну а пока импровизированные бинты проходят термическую обработ-

ку, довольно обильное кровотечение можно было бы остановить импровизированным жгутом из относительно тонкого кожаного пояса любого из дружинников. В общем, именно это я и предполагал сделать (за исключением чистки раны), но дядя мое предложение просто проигнорировал, правда, при этом красноречиво посмотрев на меня так, будто увидел совершенно безнадежного дурака...

Нет, братья-славяне поступили гораздо проще и в духе времени: разведя небольшой костерок, они быстро прокалили трофейный же нож, а после затворили порез прижиганием... Ничего не скажешь, способ эффективный! Но дальнейшей кровопотери действительно удалось избежать, что было несомненным плюсом. Да и потом, возможен ведь эффект обеззараживания прижиганием? Впрочем, я также слышал, что ожоги подвержены инфицированию даже сильнее, чем открытые раны. Но вот правда ли это? Так или иначе, степняк дорогу пережил нормально, и резких скачков температуры (горячки по-местному), потерь сознания и прочих прелестей воспаления раны нам удалось избежать.

Однако же ценность языка была несколько сомнительна, это если смягчить. Как оказалось, наш половец является представителем одной из восточных орд, что самыми первыми попали под власть монголов. И его племя приняло власть Чингисхана достаточно безболезненно в силу давнего соседства, в отличие от западных куманов, живших у границ Руси, а теперь спешно покидающих степь, уходя в Венгрию...

Так вот, наш пленник шел воевать на Русь вполне осознанно, с желанием и, разумеется, был совершенно не расположен с нами сотрудничать! Впрочем, строить из себя стойкого партизана он также не собирался, соловьем залившись еще во время медицинских процедур: дурачок подумал, что его начали пытаться! Но дурачком он был в прямом смысле слова: проклиная русичей на все лады, половец кричал о «великой тьме», что скоро заполонит нашу землю, сожжет все города, перебьет всех мужчин и... совершит всякие непотребства с нашими женщинами, а детей раздавит копытами неисчислимых табунов! За последнее Микула, худо-бедно разумеющий язык степняка (как оказалось, даже я понимал отдельные слова, но в качестве переводчиков неизменно выступали Завид и Мал), едва голову ему не оторвал, а дурачок все кричал, кричал, кричал, и только когда понял, что убивать его сразу не будут, равно как и пытаться, заткнулся, прожигая нас тяжелым взглядом исподлобья.

Впрочем, дураком я пленника назвал даже не за вызывающее поведение в тот момент, когда его жизнь вообще ничего не стоила, а потому, что он не умел считать. Тупо не умел считать. Вследствие чего «великая тьма» в его устах могла бы означать и десять тысяч, и двадцать, и тридцать, и пятьдесят, и сто. По моим прикидкам, последняя цифра была наиболее близка к реальности. Ну ладно орда, ее можно посчитать по чингизидам. Но ведь он даже число вождей похода назвать не смог!

Не разобрался половец и в структуре десятков – сотня – тысяча – тумен, а почему в разъезде было именно одиннадцать всадников, объяснил просто: сородичи. Н-да, по всей видимости, четкой структуризации в войсках покоренных у Батыя на деле не наблюдается...

Ладно, это все дело дня вчерашнего. А сейчас... Сейчас я с замиранием сердца смотрю на родные места, подсвеченные закатным солнцем, и едва могу их узнать! Река Быстрая Сосна, в водах которой я научился в детстве плавать, здесь оказалась заметно уже, чем в моих воспоминаниях. И только спустя пару минут я вспомнил, что ниже по ее течению в двадцатом веке была построена плотина, благодаря которой река и разлилась... Впадающий же в нее Ельчик (впрочем, ныне он именуется одноименно с городом, Елец), который я запомнил узким ручейком, в настоящем, наоборот, значительно шире и полноводнее! И именно он регулярно смывает в Сосну почву и песок, что в будущем послужат основой для городских пляжей... Сейчас этот самый песок создал безопасный и вполне удобный для прохода всадников наносной брод, который, по сути, и прикрывает Елецкая крепость...

Негромко заржал подо мной гнедой жеребец Буян, приближаясь к броду. А я уже в который раз порадовался тому, что мне передалась вся мышечная память и все умения Егора, позволившие уверенно сидеть в седле и не стереть задницу в первом же конном переходе! Вот и сейчас мы впервые подобрались к водной преграде, а никакого волнения нет

– наоборот, ощущение чего-то абсолютно знакомого и привычного...

А вообще, удивительное дело... Мне ведь передались не только способности носителя, но и его воспоминания, и даже чувства! Но при всем при этом никакого чужого присутствия в своей голове (точнее говоря, в сознании) я не ощущаю, будто бы нас просто поменяли местами... Точнее сказать, будто Егор покинул свое тело, а я в него вошел. Переселение душ или что-то наподобие того...

Собственно говоря, в дороге было время обо всем подумать, все обмозговать, поразмыслить над сложившейся ситуацией: монотонная тряска в седле по однообразным степным просторам этому сопутствует... В общем-то, от первого осознания переселения и первой своей схватки я испытал невероятный восторг. Seriously, то, что я пережил бой, да еще и справился с довольно опасными врагами из прошлого моей страны – это ведь воплощение самой сокровенной мечты реконструктора!

Однако ближе к вечеру, во время ночевки после скромного ужина тушкой удачно подстреленной Захаром дрофы, я вдруг понял, что действительно попал. В том смысле, что попал именно в прошлое, попал в него всерьез! И что если это действительно переселение душ, то, скорее всего, там я умер. А значит, я больше никогда не увижу ни отца, ни маму, ни младшую сестренку, никогда больше не усну в постели в своем доме! Что мама больше не испечет мне торт на

мой день рождения, и с отцом мы уже не постоим над готовящимся на мангале шашлыком, разговаривая обо всем и ни о чем одновременно, не вырвемся на майские праздники на рыбалку...

На самом деле воспоминаний было куда больше, целая куча воспоминаний. Сладких, добрых, счастливых, просто названные пришли на ум быстрее всех. Так вот, от одной мысли о том, что всего этого больше никогда не будет, стало так горько и обидно, что на глаза аж навернулись слезы...

А потом я уснул и увидел сон.

Глава 5

Сон

Тихо поскрипывает еще совсем тонкий наст под копытами лошадей, да вьется легкий пар, поднимаясь вверх от ноздрей животных и наездников. Разговоров в лесу практически не слышно: ратники напряженно вглядываются вперед, туда, где по прочному, толстому льду, сковавшему воды Вороножа при первых же сильных морозах, гигантской змеей ползет масса степняков! Половцы и мокша, огузы из Хорезма и прочие покоренные монголами народы следуют впереди завоевателей, разбавленные десятниками, сотниками и тысяцкими из их числа. Следуют грабить и убивать, не щадя ни малых детей, ни их матерей, ни старых, ни убогих, ни монахов, ни князей – всех ждет смерть под их стрелами и саблями! Или тяжкий, постылый полон длиною в остаток жизни, бесчестье и неволя... Много их, идущих на Русь, в глубину княжества Рязанского, очень много! Но и ратников, схоронившихся в лесу, подступающем практически вплотную к пологому берегу реки, будет явно не меньше!

Рядком стоят кони елецких порубежников, а подле них также и воргольских, ливенских, пронских... Напряженно

ждут вои степного пограничья, уже облачившиеся в брони, одевшие шеломы, натянувшие тетивы на луки да оседлавшие лошадей. Справа же дожидаются своего часа княжеские гриди, у них оружие и брони побогаче, над густой их массой уже возвысился красный стяг Юрия Ингваревича с ликом Спасителя, а по левую руку покуда стоит ополчение множества окрестных весей и городищ...

Давно уже прошел по речному льду половецкий дозор, не обнаружив никаких следов русской рати – с севера вступила она в лес, вдалеке от реки. А потому следует тумен сейчас совсем беспечно: кольчуги, у кого они есть, сняты, тетивы на луки не натянуты, щиты приторочены к седлам, разве что ножны с легкими клинками к поясам пристегнуты неизменно! Плотно столпились они на льду во всю ширину реки да вытянулись змеей на две, а то и на три версты... А гама от иноземцев, а шума! Ржуют лошади, кричат, разговаривают, смеются на разных языках степняки. Зря хранят молчание ратники, зря боятся за жеребцов – не услышит их в засаде даже самое чуткое ухо!

Но вот пока еще без сигнала зашелестело вдруг по рядам рязанцев. Быстро запрыгивают в седла всадники, крепче сжали копейные древки, рукояти топоров и перекладыны щитов вои из ополчения и отборные ратники пеших дружин. Дрогнули сердца людей, когда пришло понимание: сейчас уже быть брани! Но страх вскоре сменили отчаянная решимость и страстное желание сразиться до конца за

родную землю. И пусть у каждого здесь эта земля была своим собственным малым куском распаханной почвы да небольшой избой или вовсе полуземлянкой, стоящей на ней... Да и сродники у каждого свои! Престарелые, уже немощные отцы и матери, да детки малые, да жены любимые, те, за кого и жизнь отдать не жалко... Но все мужи в рати рязанской понимают, что защитить родных, защитить свой дом от новой напасти с востока они сумеют лишь вместе!

Двинулась понемногу вперед старшая дружина княжеская, а за ней – воины городков, да крепостей малых, да ополчение весей. Вначале шагом, между деревьями, а когда уже воинство русичей приблизилось к самой кромке леса, над рядами ратников, потомков вятичей и северян (от кого и ведут род вои елецкие), поплыл протяжный, гулкий звук княжеского рога! Встрепенулись воины и лошади, подобрались, словно передалась им с ревом рога отцовская боль и глухой, ищущий выхода гнев Юрия Ингваревича, потерявшего сына, послом отправленного к Батью да подло ханом убитого... Отказался Федор жене свою Евпраксию, горячо им любимую, монголу похотливому на ложе привести! За то его и казнили. Теперь же пришел час возмездия!

Пришпорили всадники коней своих верных, вырываясь на простор из лесной чащи! Десятками клиньев устремились к опешившему врагу умелые дружинники, побежали за ними следом многочисленные пеицы, вышли к кромке берега лучники, и запели русские тетивы, посылая во врага оперенную

смерть...

– Бей!!!

– Ору-су-ты!!!

Боевой клич громом гремит над рядами рязанцев, в панике вопят и пытаются бежать от них потерявшие мужество степняки! Не успели они собственные луки к брани изготовить, не успели накинуть шелома и брони! Лишь с легкими щитами, копьями и саблями встретили они облаченных в кольчуги да брони дощатые всадников на разогнавшихся эжеребцах, и некуда им ныне деться, стиснутым в кучу на льду Вороножа! Ни назад поскакать, ни вперед, ни убежать им от рогатин, да мечей, да булав и секир русских, по головам татар гуляющих весело!

Сзади избиваемую толпу покоренных подпирает несколько сотен отборных тургаудов – монголов из числа телохранителей чингизидов; с ними стоит и нойон Бури, внук Чагатая. Неверяще смотрит он на истребляемый тумен, на атаковавшую из засады рать оруситов! Отправил он гонца-туаджи к Субэдэю, следующему позади со своим туменом, пусть хоть его нукеры изготовятся к сечи, поспешат на помощь! А еще поклялся себе Бури, что коли жив останется, то весь дозор, врага проворонивший, прикажет предать самой жестокой степной казни, когда четыре эжеребца разрывают привязанного человека на куски!

...Рассечена татарская змея на куски, истребляют ее рязанцы безжалостно, гибнут степняки во множестве под

топорами и клинками русичей! Но там, докуда еще не дотянулись мечи и стрелы ратников, там сбиваются покоренные в плотную толпу, понукаемые монголами-десятниками. Вот уже лучшие лучники их принялись пускать стрелы в ответ, вот уже встали в первые ряды немногие вои, имеющие броню. Но все одно вышибают их из седел и пронзают тяжелыми рогатинами дружинники-пеицы, валят они всадников вместе с лошадьми лихими ударами двуручных секир! Не отстают от них и ополченцы, также вооруженные охотничьими рогатинами с широкими наконечниками и более легкими копьями. Рубят их саблями да чеканами, крушат булавами всадники, за одного погибшего забирая трех-четыре степеняков!

Две сотни елецких и ливенских ратников составили отдельный клин, вонзившийся в подбрюшье змеи. И вои Кречета в числе первых рубились с половцами и мокшей. До поры до времени судьба хранила их, но затем десятник-монгол, выпустивший уже практически весь колчан в подступивших вплотную врагов, всадил очередную стрелу точно в лицо Мала... Пал один из братьев-половчан, и тогда рванулся ко врагу старший брат, в пылу сечи не сумевший прикрыть меньшого! Завид срубил двух степеняков, прежде чем схватился с убийцей Мала, но тот владеет клинком не хуже, являя опыт умелого бойца. А главное, сражается монгол с холодной головой! Пал бы от удара чжурчжэньского палаши и старший брат, да подскочил к десятнику могучий

Микула и одним тяжелым ударом шестопера проломил тому голову!

...Атаковавших головной тумен русичей раза в полтора больше, на их стороне – внезапность удара из засады и неготовность врага к бою, лучшее вооружение, броня и выучка княжеских и порубежных дружинников, наконец, внутренняя вера рязанцев в святость защиты родной земли! Но окончательно истребить татарского змея они так и не успели – подоспела тьма Субэдэя...

Субэдэй – лучший нойон Батыея, старый сподвижник великого Чингисхана, уже воевавший с оруситами на Калке и победивший их могучее войско! Он хорошо знает северного врага и ведет за собой тумен монгольских воинов; узнав об атаке на Бури, он разделил свою рать на две части. Множество рядовых воев-лубчитен в легких стеганых халатах (хатангу дегель) спешили по приказу нойона. Лучники-хабуту, вооруженные лучшими на востоке составными луками и несущие с собой по два колчана с тридцатью стрелами, да простые нукеры с саблями, палашами или китайскими мечами – они поднялись на пологий берег Вороножа и пошли вдоль реки. А наиболее знатные и подготовленные воины-хошучи, закованные в ламеллярные панцири-хуяги, спускающиеся до колен, окружили телохранителей-тургаудов Субэдэя. У последних же защищены доспехом даже невысокие лошадки, в том числе стальными налобниками! Панцирные всадники медленно двинулись вперед по льду, так, что-

бы следующие по берегу пеищы от них не отставали. Но, несмотря на сильные морозы, снега напало не так много, и спешенные нукеры без труда идут вперед, навстречу лучникам орусутов...

Рязанцы, увлеченные расстрелом столпившихся на льду Вороножа врагов, не сразу разглядели новую опасность. А когда разглядели, то попали уже под ливень стрел сблизившихся с ними хабуту, начавших бить по противнику с полутора сотен шагов. Многие вои пали от многочисленных монгольских срезней; попытались было ответить русичи стрелкам Субэдэя, да только не у всех дружинников имелись сильные составные луки, способные поражать врага на столь же далеком расстоянии. Что уж говорить об ополченцах? Но не стали затягивать монголы перестрелку: под прикрытием стрел хабуту до врага добежали нукеры и схватились с ним врукопашную, тесня его в лес или выгоняя на речной лед...

Между тем, добывая остатки тумена Бури, на всю глубину змея прорубил его клин княжеских гридей, в конце своего пути сцепившихся с тургаудами чингизида. Последний не мог бежать, не уронив чести рода и не прославив трусом, а потому стоял за спинами верных телохранителей, с нарастающим ужасом в глазах наблюдая за прорубающимися сквозь тонкую цепочку верных нукеров орусутами! Но когда уже пришла пора самому братья за булатную саблю, нойон услышал за спиной топот множества копыт хошууци

Субэдэя. Вовремя!

– Харрра-а-а-а!!!

Проревев боевой клич, могучая панцирная конница Субэдэя врезалась в ряды княжеских гридей, заставив тех дрогнуть. Но князь Рязанский Юрий Ингваревич, князь Пронский Всеволод Михайлович и братья-князья Муромские Юрий Давыдович и Олег Юрьевич крепко встали у своих стягов, сами схватились за мечи, а Всеволод и вовсе поднял над головой тяжелую секиру! Тревожно загудели витые рога князей над рядами сражающихся, и увидев, как стойко сражаются их вожди, сплотились, устояли дружинники под бешеным напором хошучей, схватились с ними на равных, лицом к лицу! Загудел воздух под ударами чеканов, булав и шестоперов, прямых и кривых клинков – не уступают друг другу панцирные ратники с обеих сторон, неистово рубятся они, уже с ног до головы забрызганные кровью!

Более легкие ратники крепостей порубежных все еще добивают воинов тумена Бури, но постепенно большинство их стекается к княжеским стягам. Покуда дружинники не могут вступить в сечу с врагом, а потому достали они свои луки составные да редкие, драгоценные стрелы с доловидными и бронебойными наконечниками! Первые хорошо колют деревянные щиты и шлемы, вторые способны пробить самую крепкую броню – и рой их взвился над головами сражающихся, рая и убивая монголов! Впрочем, вскоре те

ответили рязанцам из задних рядов своей рати... Одной из жертв ответной стрельбы врага стал совсем еще молодой елецкий ратник Захар, павший под копыта коня с рассеченной широким срезнем гортанью...

А вот пеицы, узрев монголов, бьющихся с лучниками на берегу Вороножа, да хабуту, уже начавших метать стрелы в княжеских гридей, поспешили на выручку к соратникам. И вскоре подались монголы назад под напором привычных к пешему бою русичей, не выдержали они яростной рубки, что навязали им секироносцы оруситов! Потеснив же нукеров, уже княжеские лучники принялись с большим рвением стрелять во врага, вышибая из седел панцирных всадников-хошучи! Теснят, теснят рязанцы врага и на льду реки, и на берегу ее низком, одерживают верх и твердо верят в свою победу!

Но уже спешит в битву мусульманский тумен Берке. Легкие тюркские всадники-стрелки и хорошо защищенные кольчугами и ламеллярной броней хасс-гулямы, гулямы-пеицы с луками, саблями и копьями. Последние по приказу нойона, сведущего о ходе битвы благодаря регулярным докладам гонцов-туаджи, поднялись на высокий берег Вороножа, свободный от оруситов, и пошли вдоль него к месту сечи. Спешилась и часть тюрков, остальные же всадники поспешили по льду на помощь сражающимся монголам!

Между тем князь постарались вывести из лютой сечи хоть часть гридей, сменив смертельно уставших дружинников, чьи руки налились свинцовой тяжестью, на успевших

хоть немного отдохнуть порубежников. А последние столкнулись со свежими хасс-гулямами и тургаудами Берке, коих пропустили вперед хошучи Бури и Субэдэя, также утомившиеся от яростной сечи!

Пал пробитый насквозь копьем Завид, после смерти брата неизменно рвущийся вперед, на рожон, и нашедший скорую смерть... Пал Лад, сраженный ловким ударом верткой хорезмийской сабли! Едва ли не вдвое уменьшилась Елецкая дружина, но крепко рубятся со врагами уцелевшие ратники, живой стеной преградив реку вместе с прочими воями степного приграничья...

А вот недавно вышедший из схватки и все еще тяжело дышащий князь Юрий Ингваревич тревожно смотрит по сторонам. Слева теснят дружинники и ополченцы спешенных монголов, но вот уже на правом берегу показались вражеские лучники и копейщики, и целая тьма их! По сигналу князя часть его пеших воев устремилась навстречу гулямам, но уже меньше русичей, значительно меньше врага! Да и остававшиеся на левом берегу монголы, заметив, что тают силы сражающихся с ними ратников, усилили нажим! Зачастили бить их лучники, посылая в орусутов град стрел! Видит князь Рязанский, что колеблется чаша весов боя, столь успешно начавшегося. Видит и понимает, что схватку можно выиграть последним напряжением сил, и только на льду, где сражаются отборные вои с обеих сторон и их возжди!

Зазвучал в который раз княжеский рог, вновь набирают разгон его гриди и гриди братьев Муромских да Всеволода Пронского! Бросились они вновь в сечу, веря и надеясь, что отчаянного удара тяжелых всадников будет достаточно, чтобы опрокинуть врага и выиграть, наконец, битву! Раступились в стороны дружинники крепостей порубежных, как смогли. Ударили по хасс-гулям два вытянутых и узких клина всадников, уже не таких многочисленных, но ударили с такой яростной силой, что дрогнули тюрки, покатились назад... Но тут же навстречу, в потерявшие уже разгон ряды русских гридей врезались отдохнувшие монголы, и с новой силой закипела сеча! А уж там вернулись в бой и гулямы...

Теперь уже вся конница рязанская сражается плечом к плечу на льду Вороножа, уже каждому вою удастся вступить в бой! Рубятся елецкие дружинники рядом с гридями из Муroma! Сила ломит силу – числом сражающиеся равны, а то еще и перевес малый на стороне русичей! Да еще и убежденность в правоте собственной, да еще и вера в победу скорую... А у монголов лишь твердое знание: еще одиннадцать туменов идут за их спинами, скоро уже вступят в бой нулкеры Кюльхана из числа кипчаков-половцев!

И правда, спешат к месту схватки куманы Кюльхана, числом давят ополченцев и пеших дружинников монголы и гулямы хорезмийские уже по обоим берегам реки. А как разглядели русичи приближающуюся тьму половецкую, так и

отправили гонцов к князю Юрию, дабы предупредить о новой опасности! Добрался один из них до князя рязанского, поведал тому черную весть – и зашлось болью сердце княжеское, понял он, что силы вражьи многократно превосходят его заметно поредевшее войско! А тут еще тюрки спешенные сумели обойти ряды сражающихся с ними воев, пытаются перегородить реку в тылу, сбив плотный строй копейщиков! Понял Юрий Ингваревич, что если еще хоть немного промедлит он, то все вои его падут в захлопнувшейся ловушке, некому будет защитить стольный град Рязань!

Тогда с тяжелым сердцем приказал он пеищам в лес прорываться, уходить, порубежникам же живой стеной встать и хоть ненадолго сдержат панцирных всадников монгольских и тюркских на реке! Сам же князь затрубил в рог, собирая вокруг себя горстку вырвавшихся из сечи гридей! Обратились они в сторону копейщиков вражеских, вывели вперед всадников с уцелевшими рогатинами, погнали во весь опор на врага!

Врезался в гулямов клин русичей, прорвал строй их, заплатив жизнями нескольких десятков налетевших на копья воев. Пробились, стоптали врага, прорубили широкую брешь в строю их! А следом поодиночке, группами по три-пять воев вырываются из сечи и прочие дружинники, но большинство их так и осталось на месте, не сумев выйти из схватки. Уже окруженный, рубится вместе с полусотней уцелевших дружинников муромских князь Юрий Давыдович, рубится

над телом брата, стрелой поверженного... Оттеснили от него воев елецких, коих и самих осталось менее трех десятков! Распластался на коне Егор, оглушенный и потерявший сознание от удара булавой, тяжело дышит Кречет, держащийся рядом с племянником. Рука его левая серьезно ранена палашом, щита поднять воин уже не сможет...

Крикнул тогда ему отчаянно Микула:

– Уходи вслед за князем! Вытащи Егорку, мы татарву задержим! И, Кречет... Позаботься о моих!!!

Сколько же непереносимой боли в последних словах мужа и отца, что уже точно понял: не увидит ему более родных лиц детей, их задорных улыбок! Не обнять их, не услышать звонкие голоса, не почувствовать тепло и запах любимых... Не приласкать уже Микуле жене, не заглянуть в ее колдовские зеленые очи! Здесь останется ратник, на залитом кровью льду! Но выбор сделан: сам умирай, а товарищей раненых выручай! Вот Микула и выручает, хотя могучий дружинник наверняка бы сумел пробиться к князю, а там, глядишь, и домой бы вернулся... Но выбор сделан.

Кивнул на прощанье Кречет другу и соратнику, с больно сжавшимся сердцем выкрикнул в ответ:

– Обещаю: покуда жив, позабочусь!!!

Не знает еще ратник, что вместе с племянником сгинет он в осажденном Пронске. А Елец будущим летом сравняет с землей выходящая из-под Козельска Батыева рать, оставив на месте града лишь обугленное пепелище да изрублен-

ные тела его жителей... И никто из близких их и даже просто знакомых не спасется... Но неведомо людям будущее. И слава Богу.

...Уходила по льду Вороножа пара сотен вырвавшихся из сечи гридей рязанских, да пронских, да муромских и коломенских, уходили вместе с князем Юрием. Теперь знали русичи реальную силу несметной Батыевой орды!

Спешил Юрий Ингваревич в стольный град свой, надеясь хоть немного укрепить оставшийся малый гарнизон и городское ополчение уцелевшими сотнями лучших из лучших воев! Пусть хотя бы десятниками поставит их над крестьянами и ремесленниками, и то ведь польза большая! Сплотят, собственным примером за собой поведут, в сечи усилят... А там, даст Бог, продержатся рязанцы до подхода большого войска владимирского, князем Юрием Всеволодовичем обещанного!

Неведомо князю, что Рязань падет гораздо быстрее, не успеет на помощь осажденной столице княжества помощь соседей. Нет, могучая, не менее двадцати тысяч воев, владимирская рать даст бой под Коломной, где и погибнет Кюльхан, сын Чингисхана! Но погибнет и русское войско, целиком погибнет, уничтожив при том два тумена покоренных, да монголов покрошив будь здоров... К этому времени и Рязань, и Пронск обратятся уже в безлюдные, обугленные пустоши...

Князь Всеволод Пронский сумел вывести из боя еще пол-

торы сотни гридей. Не видно уже ему муромского стяга, погребен он под множеством изрубленных тел монгольских хошучи и дружинников Юрия Давыдовича, сложил голову и сам князь... Далеко уже ускакал Юрий Ингваревич, спасая горстку ратников и спасаясь сам. Уже вновь в тылу их построились в плотную линию гулямы-копейщики, уже бежали в леса, спасаясь, уцелевшие русы-пеищы! И кишат теперь оба берега врагами, стреляющими в его людей да в насмерть вставших порубежников...

Недолго колебался князь Всеволод, думая, как ему поступить. Доскакали свежие половцы нойона Кюльхана, сына Чингисхана, до тонкой цепочки русских ратников. В последний раз успел выкрикнуть Микула яростный клич ельчан «Севе-е-е-ррр!», обрушив шестопер на голову очередного степняка! Подняли кипчаки на копья пронзенное тело воина-мученика, отдавшего живот свой за други своя... В последний раз затрубил над полем битвы рог русского князя – и устремились воины пронские в последнюю атаку на встречу врагу давнему! И еще раз взметнулась секира Всеволода Михайловича над головами куманов, разрубив одного половца до пояса! А второму отсекала руку с сабелькой, а третьему раздробила череп, прорубившись сквозь сталь шелома.... А после не стало уже и князя, не стало и дружины его.

Не стало вовсе и рязанской рати. И земля княжества теперь уже совсем беззащитна перед врагом...

Тяжелый был сон, жесткий. Даже жестокий. И что интересно, в этот раз я не управлял Егором, а словно видел его со стороны, да и не только его. Я видел всех участников битвы! Но в этот раз лицо носителя, в отличие от прочих воев, мне разглядеть не удалось, я будто парил над сечей, то высоко, то опускаясь совсем низко и находясь словно среди сражающихся.

Да, сон был тяжелый, безрадостный, хотя отчасти столь подробная панорама так называемой Воронежской битвы рязанского войска с Батыем меня, конечно, восхитила. Но главное, явленная гибель ельчан меня, во-первых, всерьез зацепила, а во-вторых, заставила еще сильнее уважать Завида, Кречета, Микулу, еще сильнее проникнуться к ним, да и к прочим дружинникам... Как ни крути, но в первые же минуты моего попадания они приняли бой плечом к плечу вместе со мной, стали мне настоящими соратниками. А после увиденного едва ли не наяву пришло понимание, что сторожа Кречета является таким боевым братством, где каждый может рискнуть собой ради товарища. А ведь о подобном братстве я всегда мечтал в будущем, мечтал в душе – но не находил... Да, признаться честно, я и сам бы никогда не пошел на смертельный риск ради друзей! По крайней мере, думаю, что не пошел бы. А там, конечно, кто знает...

Так вот, главное, что проснулся я уже не с мыслью «Я никогда больше не увижу семью!», а с идеей «Мне дана воз-

возможность изменить историю своей Родины!»». Ведь Русская земля никогда еще не знала столь страшной катастрофы, как Батыево нашествие. И хотя сравниться с чудовищными потерями Великой Отечественной она, конечно, не сможет, но так ведь и численность русского населения в XIII веке была значительно меньше. А если все же пропорционально сравнить потери к общему числу мирных жителей и воинов, так еще и неизвестно, где они были страшнее...

Именно после Батыева Русь практически на две с половиной сотни лет потеряла независимость. И пусть после Дмитрия Донского власть Золотой Орды становилась все слабее, зависимость от нее превратилась в уже чисто номинальную, но сколько разорений родина претерпит в ближайшие полторы сотни лет?! Нападение Неврюевой рати в 1252 году, карательные походы 1281–1293 годов, страшное разорение Дюденевой ратью в 1293 году! После последней ранее густонаселенная северо-восточная Русь превратилась едва ли не в пустыню... Разорение и фактическая гибель Тверского княжества и самой Твери в 1327 году... Разве этого мало?! А сколько было зла от ордынских сборщиков дани, баскаков?! Не случайно ведь русичи так часто убивали их, и тем самым провоцировали врага на очередные набеги...

Конечно, задача, на первый взгляд, неподъемная. По-хорошему, чтобы остановить орду монголов и покоренных ими народов, русская земля должна была объединиться – вся! И выставить единое войско под единым началом. Увы, послед-

нее в реалиях феодальной раздробленности и едва ли не двух столетий княжеских усобиц звучит фантастично! Вон, даже на Калке, куда двинулась объединенная рать юго-западной Руси, Галицкий, Черниговский и Киевский князья вступали в бой поодиночке и, имея численное превосходство над врагом, позволили себя разгромить поочередно! Так что, с одной стороны, задача неподъемная, и без какого-либо чудо-оружия из моего будущего (пусть даже советского образца времен ВОВ, скажем, роты Т-34 или эскадрильи штурмовиков Ил-2, ну, на худой конец, батареи тяжелых гаубиц!) я сейчас ничего не смогу сделать. В лучшем случае спасусь сам, но и только...

Однако же, с другой стороны... А с другой стороны именно мысли о советском оружии натолкнули меня на идею о схожести тактик наступления немцев в 1941-м и монголов в 1237-м. И те и другие активно использовали лучшие дороги для быстрого продвижения вглубь территории противника. Но если германцы располагали относительно современными советскими шоссе или же хорошо накатанными грунтовыми дорогами, то монголы... Монголы использовали лед рек.

И вот тут любовь предков к расселению у водоемов, что давало дополнительную защиту городищам и крепостям, а также приводило к возделыванию крестьянами прежде всего приречных лугов, сыграла с ними злую шутку. Потому как все без исключения поселения русичей так или иначе оказывались на пути ордынской рати. Не было укрытых от глаз

кочевников весей и острогов в глубине лесов, путь к которым преградили бы непроходимые засеки! А ведь на засеке в лесу даже десяток метких охотников-лучников способен нанести врагу серьезный урон и надолго остановить его продвижение...

Так вот, где прошли монголы по речному льду княжества, там и оставили они за спиной разоренные, сожженные жилища, тела убитых... И ведь бежать жителям весей было некуда, разве что в крупные города, вскоре также ставшие добычей завоевателей! Зимой спрятаться в заснеженном лесу невозможно при всем желании, разве что переждать пару дней под открытым небом с малым запасом еды, что удалось унести за один раз. На морозе, спасаясь лишь кострами... А после вернуться на разоренное пепелище. Ну так и в этом случае спасшихся от татарских сабель и стрел ждала гарантированная смерть от голода или холода!

Почему же крестьяне из малых весей не подготовили заранее базы в лесах, не нарыли землянок, не перевели в чащу большую часть домашнего скота и собранный по осени урожай? Почему, одним словом, они не пошли путем партизан Великой Отечественной?!

Думаю, потому, что никто на Руси не осознавал масштаба нависшей над их головами опасности. Потому что простые люди надеялись на крепкое войско рязанского княжества. Но ведь сам Юрий Ингваревич, коль сон мой правдив (в чем я совершенно не сомневался!), не знал доподлинно чис-

ленности орды. Он лишь понимал, что врага больше, много больше, но понадеялся на силу закаленной в боях рати и грамотную засаду. И ведь рязанцы действительно на равных бились, считай, с тремя туменами Бури, Субэдэя и Берке! И будь степняков пусть даже вдвое больше, у Юрия Ингваревича имелся реальный шанс если не разбить их на льду Вороножа, то, по крайней мере, ослабить настолько, что монголы уже не сумели бы взять Рязань. Судя по сну, до подхода тумена Кюльхана схватка действительно шла на равных, а по итогам боя дружинники и ополченцы-русичи накрошили не менее двадцати тысяч монголов, хорезмийцев, кипчаков и мокши!

Итак, если мои логические выводы верны, то повлиять на ситуацию действительно возможно. Сейчас конец сентября, зима еще далека от вступления в свои права, нарыть землянок, сложить в них печи, укрепить их деревом вполне реально! А главное – перекрыть путь к лесным базам русичей засеками. И тогда следующая к столице княжества орда уже никак не сумеет разорить множество расположенных по берегам той же Прони весей!

Это удачная мысль, со всех сторон удачная. Но увиденный мной сон, воспоминания о дипломной работе, благодаря которой я и сравнил продвижение немцев и монголов, наконец, мысли о засеках натолкнули меня на еще одно очень интересное решение. Решение, благодаря которому относительно малыми силами возможно если не остановить, то хо-

тя бы заметно затормозить продвижение орды по льду рек. И тогда, быть может, рязанская рать успеет объединиться с идущей к ней на помощь владимирской! А уж там видно будет, что делать дальше...

Глава 6

Приближаясь к воде, Буян вновь всхрапнул, теперь уже чуть тревожно. В первое мгновение я растерянно замер в седле, уловив настроение коня, но не совсем понимая, что делать! Однако уже в следующий миг все получилось само собой: рефлекторно подавшись вперед, я заботливо погладил жеребца по шее, после чего максимально дружелюбно попросил животное, наклонившись к самому его уху:

– Не бойся, Буян, не бойся. Это всего лишь брод! Ты здесь ходил сотни раз, пройдешь и в этот. Ну же, иди, иди вперед! А то ведь кобылы в стойле засмеют!

Не знаю, помогли коню, отлично чувствующему настроение (и неуверенность!) наездника, ласковые поглаживания или же мой спокойный, дружелюбный голос. А может, действительно, сыграл свою роль аргумент о кобылах, что предполагает наличие у непарнокопытного разума, стыда и понимания человеческой речи! Кстати, не сомневаюсь ни в одном из пунктов, кроме разве что стыда... Но, так или иначе, в реку жеребец вошел уже вполне спокойно и бодро пошлепал, легонько разбрызгивая воду при каждом шаге; впрочем, практически все долетевшие до меня капли попали только на сапоги.

Я же, убедившись, что животное спокойно следует вперед, едва ли не шаг в шаг за жеребцами моих соратников,

заметно приободрился, а после случайно посмотрел вниз – и на мгновение опешил. В воде отразилось мое лицо, всего на мгновение, пока от очередного движения конского копыта по водной глади не пошла сильная рябь, но мне хватило, чтобы увидеть себя! Свое лицо, настоящего себя, из будущего!

Я ведь еще ни в одном сне не видел Егора, а теперь... Теперь градом посыпались вопросы, догадки, предположения. Как это возможно?! Я что, все-таки физически сюда перенесся?! Да нет же, бред. Мой предок гораздо крепче физически, ловчее, тренированнее, и потом, видит он хорошо, на сто процентов!

Предок... А ведь это мысль! Это что получается, я физически в буквальном смысле потомок Егора? Причем, несмотря на огромную разницу во времени, все равно являюсь носителем каких-то определяющих генов?! Ничего ведь в этом не смыслию... Но если подобное допустить, это ведь многое объясняет. Может, гибель или тяжелая травма в ДТП каким-то образом запустила мое сознание в прошлое, по генетической цепочке?! Что за бред я несу...

Чтобы хоть как-то упорядочить развернувшийся в голове хаос, я постарался отвлечься и принялся оглядываться по сторонам. И конечно, мое внимание привлекли Печуры, известняковый скальный комплекс, возвышающийся с русской стороны реки, словно огромная крепость! Навскидку он вытянулся вдоль берега примерно на километр, может, чуть меньше, имеет высоту... ну, на глаз метров пятнадцать-два

дцать. И что самое необычное, сверху Печуры словно стесаны под линейку, что и создает впечатление именно крепостной стены. Впрочем, скорее это огромный стол, способный, кстати, послужить отличной основой для крепости!

Правда, сейчас крепости там никакой нет, только дозорный пост. Причин, думаю, несколько: неудобство возведения острога на каменной основе и любых деревянных построек внутри него, недоступность источников воды... Соответственно, невозможно вырыть подземный ход. Хотя в известняке, чисто теоретически, его можно и вырубить, правда, и усилий подобный труд потребует немалых... Но, в конце концов, ведь не могли же знать предки, строя здесь пограничное укрепление, что когда-нибудь придут под стены Ельца монголы с осадными машинами! Вот тогда высота самих Печур сослужила бы горожанам добрую службу, сделав обстрел невозможным... А с другой стороны, есть же в описании штурма Ельца Тамерланом упоминание и Печурского острога. Значит, как-то справились с задачей, как-то смогли ее решить?

Впрочем, со всех сторон более удобным для размещения крепости является возвышающаяся прямо над бродом Кошкина гора. Почему именно Кошкина, никто в XXI веке не знал, но во времена Куликовской битвы и разорения Тамерланом град стоял именно на этой высоте. А позже, в конце XVI столетия, на ней же возведут гораздо более мощное укрепление, долгое время бывшее самым сильным в систе-

ме южной засечной черты... Ну а с XIX века на вершине горы будет возвышаться уже Вознесенский собор, этакая визитная карточка города! Ныне же здесь также дежурит дозорный пост, а за бродом начинается хорошо протоптанная грунтовая дорога от реки к Каменной горе.

Можно подумать, что мы не на границе лесостепной зоны живем, а где-нибудь в предгорьях Кавказа! А уж если вспомнить еще и о находящихся совсем рядом Воргольских скалах...

Еще пятнадцать минут равномерного, спокойного лошадиного шага, и мы оказываемся, наконец, у стен древнего Ельца, построенного выходцами из Черниговского княжества, то бишь северянами, а не вятичами. М-да... Ожидал я, конечно, большего. И ожидания мои не оправдались от слова совсем!

Самое главное, в воспоминаниях Егора вся доступная информация о детинце имела, вот только пользоваться ею как своей собственной я, видно, еще не научился. В итоге она всплыла только тогда, когда я уже воочию узрел маленькую и плохо защищенную крепостицу.

Впрочем, ведь очевидно, что главной причиной моего разочарования стал сон, в коем я увидел рубленые тарасами стены Пронска. Да и по археологическим данным в XIII веке русские крепости были защищены именно венчатыми стенами уже в подавляющем большинстве. А потому как-то само собой разумеющимся ожидал увидеть подобное укреп-

ление и здесь, однако... Однако моему взору открылся лишь небольшой деревянный острог в форме вытянутого овала, возвышающийся на вершине горы. С солидным земным покровом, кстати. Эта гора свое прозвище Каменная, как я понимаю, получила за эпизодически пробивающиеся наружу все те же известняковые плиты.

Место для обороны, на мой взгляд, опять-таки выбрано не очень удачно. Водная преграда – река Ельчик (тьфу ты, Елец!), она огибает гору лишь с запада и протекает на некотором удалении от высоты. Правда, сам частокол вкопан в землю, считай, у самого обрыва, и хоть Каменная гора имеет высоту всего-то метров пятнадцать навскидку, все же подняться по довольно крутым склонам с востока и запада довольно сложно. Дорога же вьется именно по западному склону, вдоль стены, так что следующий по ней враг гарантированно окажется под обстрелом лучников... Да и не развернуться с запада большой массе людей все из-за той же речки. Это хорошая новость.

Плохая заключается в том, что небольшой детинец имеет всего две башни – дозорную на юго-западной оконечности стены, откуда открывается неплохой вид на брод и прилегающую степь в целом, да воротную башню с севера. Короче говоря, укреплений минимум. А покопавшись в воспоминаниях Егора, я вычленил для себя тот факт, что тын у Ельца однорядный. То есть второго, внутреннего ряда бревен, пространство между которым и внешним частоколом обыч-

но засыпается землей или камнем, здесь нет. Хорошо хоть, что боевую площадку для стрелков поверху срубили, и то хлеб...

Впрочем, о чем я? Что такое сотня елецких дружинников против монгольской орды?! Ну, пусть хотя бы и тысячи степняков? Числом враг задавит, даже если защитники проявят чудеса храбрости и стойкости! И это, опять же, оптимистичный вариант. Ведь, судя по моему сну, в Ельце к моменту выхода Батыея в степь и вовсе не останется опытных ратников, все сгинут в сечи на льду Вороножа. Лишь редкие везунчики протянут до штурма Пронска или, в крайнем случае, Рязани...

– Микула, ты со мной и половцем в детинец, боярину полоняника покажем, а все остальные – по домам, к семье. До утра вряд ли будут нам какие поручения.

Голос Кречета оторвал меня от размышлений и заставил внутренне напрячься: я-то вознамерился с боярином поговорить, да по-хорошему бы с глазу на глаз! А тут, выходит, меня могут даже в детинец не пустить!

Бросив случайный взгляд на Микулу, на лице которого прямо вот крупными буквами было написано желание повидаться с семьей и совершенно определенное нежелание видеться с боярином, я чуть поддал пятками в лошадиные бока, посылая Буяна вперед и одновременно с тем быстро воскликнув:

– Позволь мне с тобой пойти, дядя! Микула-то жену при-

ласкать желает, с детишками понянчиться, а я...

Продолжить, однако, мне не удалось: абсолютно ледяной, прямо-таки обжигающий недовольством (если не сказать сильнее!) взгляд Кречета к разговору совершенно не располагает. И только сейчас предательская память Егора дала подсказку: дядя совсем не любит, когда к нему так обращаются! Мол, хоть я и кровный родич, однако же в стороже его все вои равны и выделяются по заслугам!

Напряженно замер и быстро покрасневший Микула: пусть он действительно успел соскучиться по семье, но говорить вслух, что взрослый мужик, воин, княжеский дружинник (!) собирается нянчиться с детьми – то есть заниматься совершенно не мужским делом! – здесь как-то не принято...

Однако же и отступать мне некуда, так как разговор с боярином Евпатием Коловратом – мой единственный шанс хоть что-то изменить, хоть на что-то повлиять. Ибо нет здесь и сейчас никого более титулованного и наделенного полномочиями: воргольский князь отправился с дружиной к Юрию Ингваревичу, равно как и елецкий воевода. А именно елецкий удельный князь в настоящее время отсутствует как подвид, так как город вошел в вотчину одного из многочисленных Рюриковичей, так или иначе родственного правителю Рязани. Были у нас ранее собственные удельные князья вроде Андрея Ростиславича Елецкого, да все вышли... Но мы, дружинники, состоим именно что на княжеской службе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.